

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ

MEANS OF STRENGTHENING NEGATION IN THE LEZGIAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN COMPARISON

K. Kerimov
G. Fatalieva

Summary: The boundaries between syntax and semantics in different languages are often blurred, since there is still no methodology for their clear definition. Against this background, various problems of increasing denial arise, which will be discussed in this article. Various types of negations will also be analyzed in a comparative analysis of the Lezgian and Russian languages as a means of reinforcing negation.

Keywords: reinforcement of negation, double negation, cumulative negation, logical complement, negative meaning, concept of negation, negative interpretation, negative elements.

Керимов Керим Рамазанович

Доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
kerimk@mail.ru

Фаталиева Гулисер Арсеновна

Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
guliser29icloud@gmail.com

Аннотация: Границы между синтаксисом и семантикой в различных языках зачастую размыты, так как пока еще нет методологии их четкого определения. На этом фоне возникают различные проблемы интерпретации способов выражения усиленного отрицания, которые рассматриваются в этой статье. Будут проанализированы типы двойного и усиленного отрицаний в лезгинском и русском языках в сопоставлении, а также средства их построения. Мы также рассмотрим примеры межъязыковых коррелятов, которые можно будет использовать в учебном процессе по этим языкам и в теории перевода.

Ключевые слова: усиленное отрицания, двойное отрицание, кумулятивное отрицание, логическое дополнение, отрицательный смысл, концепция отрицания, отрицательные элементы.

В коммуникативных актах очень важно правильно строить отрицательные предложения, поскольку их использование чрезвычайно распространено в речи как на родном (лезгинском) языке, так и на русском. Способы построения отрицательных высказываний в разных языках не совпадают, что может приводить к ошибкам в построении отрицательных высказываний, межъязыковой интерференции моделей отрицания, а следовательно, и к коммуникативным неудачам. Особенно часто такое может происходить в случае, если контактируют такие разные в структурном отношении, а также в степени теоретической разработанности языка, как лезгинский и русский. Теория отрицания в русском языке хорошо разработана, построена типология отрицания, исследованы средства построения отрицательных предложений. В описании лезгинского языка такая работа начата относительно недавно, поэтому при интерпретации отрицательных конструкций лезгинского языка важно избежать и такого явления, как механический перенос трактовок способов отрицания русского языка на менее изученные отрицательные конструкции лезгинского языка.

Отрицание – это универсальная категория языка. Кроме того, это категория не только лингвистическая, но и логическая, которая характеризует все наше мышление и наш способ понимания мира. Важно понимать, что понятие отрицания тесно связано с понятием истины, понимаемым как соответствие между ментальным пред-

ставлением (или его выражением) и его объектом в референтном мире, когда мы говорим о семантике условных выражений. Наши речевые акты или высказывания можно в общих чертах свести к двум основным модальностям: утвердительным и отрицательным.

Сфера или объем отрицания – это синтаксический уровень, на который оно воздействует. Посредством усиления отрицания изменяется истинное значение языковой единицы, к которой оно применяется. Это изменение влияет не только на грамматическое предложение, но и на второстепенные синтаксические элементы, такие как предложения, фразы, слова и т.д. [4, с.71]

В некоторых языках двойным, кумулятивным или множественным отрицанием порождаются утвердительные высказывания, т.е. отрицание как таковое отменяется; в других языках применение двойного отрицания усиливает отрицательный смысл предложения [8, с.82].

Обычно усиление отрицания используется для указания на полный охват или множественность субъектов, обстоятельств, в отношении которых применяется отрицание, либо, напротив, для указания на ограниченность сферы действия отрицания. Например, в русском языке существует много средств усиления отрицания, которые употребляются в предложении вместе с отрицательной частицей *не*, словами *нет*, *нельзя*, *невозможно*, *ничего*. Например, *я знаю, как это произошло* мы получаем *я не*

знаю, как это произошло. Из фразы *я мог многое сделать, чтобы избежать этого* мы получаем: *я ничего не мог сделать, чтобы избежать этого*. Из выражения *я всегда думал, что что-то подобное может случиться* мы получаем *я никогда не думал, что что-то подобное может случиться*. Из выражения *это повторится снова* мы получаем *это больше никогда не повторится*. Из *были хорошие прогнозы* мы получаем *нельзя полагаться на хорошие прогнозы*.

В лезгинском языке при наличии в высказывании отрицательного слова (*-ни*) обязательна и отрицательная форма глагола. При отсутствии отрицательного слова употребляется только отрицательная форма глагола, т.е. предложение строится с одним отрицанием [2, с.67]. Рассмотрим отрицание на лезгинском языке: *За ихьтин кар жеда лагыана гьич фикирнавачир 'Я совсем не думал, что так получится'*. Здесь одно отрицательное предложение с усиленным, кумулятивным, отрицанием, состоящим из отрицательной формы глагола и отрицательного слова наречной семантики *гьич (гьич-ч)* 'совсем-не' (*гьич* и *фикирнавачир* 'совсем не думал'). Отрицательная форма глагола и отрицательное слово (*гьич*). Во фразе *Заз и кар гьич1 хьанат1а чидач* 'Я это дело как случилось не знаю' одиночное, простое отрицание.

Однако грамматика не всегда так проста, и в конце концов всегда возникают сложности при понимании отрицательного высказывания. Дело начинает усложняться, когда мы останавливаемся, чтобы проанализировать предложение и выражения, подобные следующим: *Я не мог оторвать глаз; Души в этом человеке не было видно; Я не мог видеть того, чего нет*. Сравним с лезгинским *Авачир кар заз акунач*. Данные отрицания не имеют своей прямой утвердительной трактовки.

Таким образом, не каждое отрицательное утверждение происходит от утвердительного и существуют структуры или конструкции, которые обязательно нуждаются в существовании усиления отрицания. Таким методом усиления можно считать двойное или кумулятивное усиление отрицания [7, с.88].

Двойное отрицание – это очень характерная возможность усиления отрицания для русского и лезгинского языков, заключающаяся в использовании двух отрицательных элементов в одной и той же отрицательной структуре: *Чтобы никто не приходил; Больше ничего не было нужно*. Или тройное отрицание: *Я никогда никуда их не беру*.

Важно понимать, что как в русском, так и в лезгинском, языках средства усиления отрицания используются для усиления отрицательного смысла высказывания. Мы можем говорить такие фразы, как *Никто не приходит, Он ничего не говорит* или *Я ничего не хочу*, не допуская при этом ошибки.

Сопоставим отрицания с такими же фразами на лезгинском языке

Садни кьвен тийидавал 'Никто не приходил чтобы', Мад са зат1ни герек авачир 'Больше **ничего не нужно было**'. Здесь кумулятивное усиление отрицания обусловлено двумя присловными (*-ни*) при разных второстепенных членах предложения. Местоименный элемент *са* 'один' в контексте отрицаний *-ни, -ч* выполняет усилительную функцию и является факультативным. Например, предложения типа *Заз санани касни акунач 'Я нигде никого не видел'* принципиально не отличаются от кумулятивного отрицания.

Сопоставим подобные высказывания на лезгинском и русском языках: *Я никогда не думал, что что-то подобное может случиться 'За ихьтин кар жеда лагыана гьич фикирнавачир'; Чтобы никто не приходил; Больше ничего не было нужно, Садни кьвен тийидавал, 'Мад са зат1ни герек авачир*.

Таким образом, оба языка допускают использование в одном предложении отрицания *не*, лезгинское *-ч, -ч-* в сочетании с другими элементами (наречиями, местоимениями, прилагательными, существительными или выражениями, имеющими отрицательное значение) [3, с.72].

Как видим, двойное отрицание, или 'кумулятивное отрицание происходит из-за обязательного отрицательного соответствия, которое должно быть установлено в различных языках при определенных обстоятельствах, что приводит к совместному присутствию в высказывании наречия *нет* и других элементов, которые также имеют отрицательный смысл [4, с.73].

Говоря об усилении отрицания, нельзя не привести общую концепцию усиления отрицания: существуют специальные слова, которые добавляются к субъекту открытого высказывания, чтобы преобразовать его в предложения. Эти типы предложений называются категорическими, которые утверждают или отрицают некоторое количество подлежащего предложения, то есть сказуемое утверждает или отрицает для всех или некоторых категорию (в данном случае подлежащее). Предложения-категории имеют следующую форму [5, с.28]:

- Все S равно P
- Никакое S не является P
- Некоторый S равен P
- Некоторый S не является P

И именно здесь возникает логическое отрицание, отрицание предложения категории 1 равно 2, а отрицание 3 равно 4 и наоборот, т.е.:

- Отрицание 'все S есть P – это ни одно S не является P'.
- Отрицание 'нет S есть P – это все S есть P'.
- Отрицание 'некоторый S равен P' – это 'некоторый S

не равен Р'

Отрицание 'некоторый S не является Р' – это 'некоторый S является'.

Может показаться логичным, что, отрицая отрицание, мы на самом деле утверждаем: «если никто не приходит, значит, на самом деле, кто-то приходит»; если «я ничего не хочу», значит, «я на самом деле чего-то хочу». Но иногда логика вступает в противоречие с языком, и происходит обратное тому, что могло бы показаться, как в данном случае. Поэтому можно утверждать, что в русском языке двойное отрицание не становится утверждением, а функционирует как элемент подкрепления и усиления: *Я не пролью ни одной слезы*. В синтаксических контекстах двойное отрицание также усиливает отрицательный смысл. Хотя существует несколько форм отрицания, где сочетание элементов будет зависеть от выразительности говорящих: *Я никогда его не навещу; Он никогда этого не получит; Они тоже не придут* и другие. Можно привести и другие, более сложные примеры отрицания других утверждений этого типа, но для этого требуются другие логические связки на аналогичных примерах, такие как, например: *У моей собаки есть лапы и хвост*. Его отрицание было бы: *У моей собаки нет ни лап, ни хвоста*. Чтобы объяснить эту номенклатуру, требуется изучение логического соединения и дизъюнкции, как в русском, так и в лезгинском языках.

Например, наречие *нет* имеет некоторые недостатки в отрицании предложений такого типа. Правильный способ опровергнуть утверждение *У некоторых собак есть хвост* – это: *Это неправда, что у некоторых собак есть хвост*. Это то же самое, что сказать: *Ни у одной собаки нет хвоста*. Таким образом, частица **ни** также служит усилением отрицания: *Я не читал ни одной из этих книг; Я бы не согласился ни с его планом, ни с его матерью; Это не был ни один из них; Я не слышал ни о ком из них; Я не верю ему ни на минуту*. Форма и интерпретация этих негативных контекстов определяются положением, которое занимают указанные элементы, и их отношением к лексическим свойствам сопровождающих негативных слов в структуре предложения.

Также, как и в русском языке, для усиления отрицания в лезгинском используются неопределенные элементы: *никто, ничто*: *На вечеринку никто не пришел* (ср. лезг.: *Вечеринкадиз касни атанач*); *Мой брат не сделал ничего из того, что ему было сказано* (ср. лезг.: *Зи стхади адаз лагъай крарикай са карни авунач*); То, что ты предлагаешь, никто не примет (ср. лезг.: *Вуна лугъузвайди садани фикирдив къадач*); *Никто не знает, что на самом деле произошло той ночью* (ср. лезг.: *А йифиз вуч хъанайт1а садазни чидач*); Ничего из того, что он сказал, не соответствует действительности (ср. лезг.: *Ада лагъай гафарикай садни гъакъитдив тук1вейбур туш*); Никто не приходил за призом' (ср. лезг.: *Приз къачун хъийиз садни*

къвезвачир); *Этого никто не хочет* (ср. лезг.: *И кар садазни к1анзвач*). Как мы видим, в зависимости от логики высказывания в лезгинском языке используются наречия **садни, садани, садазни**, а в некоторых случаях с дополнительной частицей *туш* 'не есть, не является'.

Усиление отрицательной семантики предложения достигается за счет использования, во-первых, отрицательных местоимений, образуемых, как известно, от числительного **са** с помощью частицы **-ни**: *Это не был ни один из них*, (ср. лезг.: *Ам абурукай садни тушир*).

Это изменение объясняется с двух точек зрения. С одной стороны, необходимо постоянно менять термины, используемые в качестве подкрепления, поскольку это единственный способ добиться усиления негативного значения, которого предполагается достичь за счет их использования. С другой стороны, необходимо, чтобы используемые термины соответствовали схемам оценки, существующим на момент их использования. Логически было бы бесполезно ссылаться на объекты, малость или незначительность которых не всем известна и должны быть поняты людьми, участвующими в языковом диалоге. Поэтому наличие двух отрицательных элементов может зависеть от различных факторов. *Мухаммад прождал один час, но этот человек так и (вообще, совсем) не пришел*. Нередко в отрицательных предложениях отрицание логически эквивалентно утверждению: *Акьулдиз текъведай кар авач* 'Нет ни чего, что не могло бы прийти на ум'.

Лезгинские предложения типа *Заз санани касни акунач* 'Я нигде никого не видел' в принципиальном плане не отличаются от кумулятивного отрицания.

В самой простой форме усиление отрицания в лезгинском языке можно выразить с использованием следующих конструкций: финитных глагольных форм, образующих отрицательные корреляты с помощью суффикса **-ч** или отрицательной связки **туш**: *За и ктабрикай садни к1ел авурди туш* 'Я не читал ни одной из этих книг'; *Зун садрани операдиз фейиди туш* 'Я никогда в оперу не ходил'; *Заз ам гъинват1а чизвач* 'Я ничего не знаю о его местонахождении'; *Заз садрани физический упражнения ийизвач* 'Я никогда не занимаюсь физическими упражнениями'; *Зун адахъ гъич са декъикъани инанмиш туш* 'Я не верю ему ни на минуту'; *За и кар садрани хиве къадач* 'Я этого дела никогда на себя не возьму'.

Средства усиления отрицания в лезгинском и русском языках строят одно отрицательное предложение с одним усиленным кумулятивным отрицанием: одним фразовым (**-ч**) и двумя присловными (**-ни**) при разных второстепенных членах предложения. Кумулятивное отрицание в лезгинском языке можно представить следующими примерами: *Са гафни масабуравай жузамир* 'Ни

слова у других не спрашивай'. Это предложение содержит два средства выражения отрицания: 1) *са гафни* 'ни слова' (одно слово даже // и одного слова), 2) *жузамир* 'не спрашивай'. Сравнение лезгинского предложения и его перевода показывает, что наличие слов с формально неотрицательным, 'внутренним' отрицанием типа 'одного слова даже', по смыслу соответствует русскому 'ни слова' и предполагает обязательность отрицательной формы сказуемого. Сочетания типа: *са гафни* 'одного слова даже', *са ст1ални* 'одной капли даже', *са югъни* 'одного дня даже', *са касни* 'одного человека даже', – очень похожи по функциям на русские *ни слова, ни капли, ни дня, никто*.

Логическое отрицание обычно рассматривается как связующее, но как монадический оператор, поскольку оно влияет только на предложение, оно также носит название логического дополнения. Учитывая важность отрицания по смыслу предложения, и учитывая, что оно обычно обозначается второстепенными элементами предложения, которые имеют отрицательную форму. Это явление встречается во многих языках, в том числе и лезгинском [2, с.99]. Если эти элементы поставлены перед глаголом, он не сопровождается наличием отрицания *нет*: *Ада лугъузвай са зат1унизни мана авач; Абурукай садни актер туш*. Но если они переходят к глаголу, то ему обязательно должно предшествовать наречие *нет*: *Зун садрани театрдиз фидач; За садрани и кар ийидач; И кар садазни чизвач* – ('Я никогда не пойду в театр', 'Я никогда больше так не сделаю', 'Этого никто не знает'). Здесь совпадение этих двух отрицаний не отменяет негативного смысла высказывания, а наоборот его усиливает.

Таким образом, с помощью агглюкативного суффикса *-ч* в лезгинском языке образуются отрицательные формы сказуемого, а с использованием отрицательной формы связки *туш* можно наблюдать отрицательные формы зависимых предикатов. В свою очередь, наречия, такие как *никогда* или *ни то, ни другое*, или слова *никто, ничто* или выражение *в жизни* (эквивалент *никогда*), как и группы, содержащие отрицательное совокупительное соединение *ни*, могут появляться объединенными в предложения с отрицательным значением.

Однако, чтобы это было возможно, элементы в предложении должны быть расположены определенным образом. Например, в русском языке будет двойное отрицание, когда глаголу в предложении предшествует наречие *нет* (*не*), в то время как второй отрицательный элемент может стоять в разных частях предложения. В лезгинском же языке отрицательный элемент находится после глагола, а усилительное наречие всегда перед смысловым глаголом. Следовательно, второе отрицание в лезгинском языке используется только для усиления отрицания, то есть для кумулятивного отрицания.

Для сравнения приведём параллельно примеры с усиленным отрицанием на русском языке и их переводы на лезгинском языке.

<p>У меня нет никаких сомнений в его национальности. <i>Изабелла никогда не каталась на лыжах</i> <i>Он сказал, что никогда не вернется в старый дом своих бабушки и дедушки.</i> <i>Я бы не согласился ни с его планом, ни с его матерью.</i> <i>Я не верю ничему из того, что он сказал</i></p>	<p><i>Заз адан миллет гым ят1а са шакни авач</i> <i>Изабеллади садрани лыжаяррал авахьунар авур туш</i> <i>Ада вичин бадедин иски к1вализ вич садрани хкведач лагъана</i> <i>Зун я адан фикиррихь, я адан диде-дихь галаз рази жедачир</i> <i>Ада лагъай са гафинихьни зун аманмиш жезвач</i></p>
---	--

Таким образом, в лезгинском, как и в русском языке усиление отрицания выражается с помощью различных средств, среди которых независимые частицы (*нет, никогда, никто, никто и т.д.*) являются самыми распространенными, сюда также можно отнести словосочетания и выражения, которые логически и по смыслу выражают значение этих наречий. То есть объем отрицания соответствует совокупности слов, на которые оно влияет, в то время как фокус соответствует слову или фразе в пределах объема, которые явно отрицаются. Наиболее распространенная процедура грамматического отрицания в лезгинском языке состоит в добавлении наречия не к глаголу: отрицание предложения. Функция этого недвербального выражения состоит в том, чтобы выразить противоречие тому, что утверждается глагольной фразой, на которую оно влияет. В тоже время в рамках понятия 'отрицание' концепции отрицания, 'не' и 'нет' тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга. Как мы убедились в лезгинском и русском языках не существует таких форм, которые были бы лишены отрицательного значения.

Выводы

В лезгинском языке двойное отрицание используется для усиления отрицательного смысла высказывания. Можно сказать 'никто не приходит', 'он ничего не говорит' или 'я ничего не хочу', не допуская при этом ошибки. Лезгинский язык допускает использование в одном предложении наречия отрицания не в сочетании с другими элементами (наречиями, местоимениями, прилагательными, существительными или словосочетаниями), имеющими отрицательное значение. Поэтому такие наречия 'никогда', как и группы, содержащие отрицательное совокупительное соединение не могут появляться объединенными в предложения с отрицательным значением. Однако, чтобы это было возможно, элементы в предложении должны быть расположены определенным образом. Форма и интерпретация этих негативных контекстов определяются положением, ко-

торое занимают указанные элементы, и их отношением к лексическим свойствам сопровождающих негативных слов в структуре предложения. С лингвистической точки зрения отрицание, в конечном счете, не так просто, как сказать всему 'нет'. Язык допускает множество других, более оригинальных, смелых и даже забавных альтернатив в каждом конкретном случае как на русском, так и на лезгинском языках. Другими словами, усиление отрицания должно рассматриваться как явление, относящееся к конкретному языку, посредством которо-

го изменяется истинное значение языковой единицы, к которой оно применяется. Это изменение влияет не только на грамматическое предложение, но и на второстепенные синтаксические элементы невербального характера, такие как синтаксисы, предложения, фразы, слова и т.д. Учитывая тот факт, что в русском и лезгинских языках все отрицания можно разделить частные и общие, специфической чертой кумулятивного отрицания является взаимодействие отрицательных элементов в пределах предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Н. Лезгинский язык/У. А. Мейланова - Москва: Academia, 1997 - 174 с.
2. Алигусейнова Ф.Ш. Типология отрицания в лезгинском и английском языках. Диссертация ... кандидата филологических наук. Махачкала, 2007. - 132 с.
3. Ахмедов Т.Н. Коммуникативные типы высказывания в лезгинском языке (в сопоставлении с русским). М.: Академия, 1999. - 88 с.
4. Бахарев А.П. отрицательные односоставные предложения в современном русском языке//Русский язык в школе. -1981. - № 5. - С.70-73.
5. Бондаренко В.Н. отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983. - 58 с.
6. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б. Б. современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. - 482 с.
7. Керимов К.Р., Севзиханова Э.М. К сопоставительному изучению общего и частного отрицания в лезгинском и русском языках. Мир науки, культуры, образования. № 2,2021 - С.88.
8. Казимьянец Е.Г. способы выражения отрицания в современном русском языке: билингвальный анализ. Диссертация... кандидата филологических наук. Языкознание, №3, 1987 - 102 с.
9. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002. - 78 с.

© Керимов Керим Рамазанович (kerimk@mail.ru), Фаталиева Гулисер Арсеновна (guliser29icloud@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»